

её сопоставимо с классическим трудом З.И. Перегудовой – дополняя друг друга, эти издания открывают для профессиональных историков новые перспективы.

Примечания

¹ См., например: *Белова А.В.* Тамбовское губернское жандармское управление: структура, деятельность, кадры. 1867–1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2008; *Гончарова Е.А.* Местные органы политической полиции России в 1902–1914 гг. (на материалах Саратовской и Самарской губерний). Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008; *Романов В.В.* Организация и деятельность политической полиции Поволжья. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002; и др.

² *Daly J.W.* Autocracy under Siege: Security Police and Opposition in Russia, 1866–1905. DeKalb, 1998; *idem.* The Watchful State: Security Police and Opposition in Russia, 1906–1917. DeKalb, 2004; *Zuckerman F.* The Tsarist Secret Police in Russian Society, 1880–1917. Palgrave Macmillan, 1996.

³ *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880–1917). М., 2013. С. 290–309; *Абакумов О.Ю.* «Самая непроницаемая тайна» (О перлюстрации в России в середине XIX в.) // Освободительное движение в Рос-

сии: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 19. Саратов, 2001; *Гончарова Е.А.* Система перлюстрации в России в конце XIX – начале XX в.: вскрытие частной корреспонденции в государственных интересах // Вопросы истории. 2008. № 1. С. 96–102.

⁴ *Перегудова З.И.* Указ. соч. С. 291.

⁵ *Измозик В.С.* Глаза и уши режима (Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 гг.). СПб., 1995.

⁶ Основное правило, которое соблюдалось при организации сети перлюстрационных пунктов, гласило: «Самое главное средство употреблять с пользою перлюстрацию, есть то, чтоб оную производить самым секретным образом, не подавая даже вида, чтобы она существовала» (ГА РФ, ф. 109, СА, оп. 3, д. 508, л. 18, л. 1–1 об.).

⁷ См., в частности: *Абакумов О.Ю.* Указ. соч.

⁸ *Перегудова З.И.* Указ. соч. С. 303. См. также: *Измозик В.С.* К вопросу о политических настроениях российского общества в канун 1917 г. (по материалам перлюстрации) // Россия и Первая мировая война: Материалы международного научного colloquium. СПб., 1999. С. 160–170; Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции / Сост. К.А. Соловьёв. М., 2014.

Вадим Михайлов

Рец. на: Д.Б. Павлов. Русско-японские отношения в годы Первой мировой войны. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 261 с., ил.

Vadim Mikhailov

(Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Russia)

Rec. ad op.: D.B. Pavlov. Russko-yaponskie otnosheniia v gody Pervoi mirovoi voyny. Moscow, 2014

Вышедшая в свет монография доктора исторических наук, профессора, заместителя директора Института российской истории РАН Дмитрия Борисовича Павлова – результат его многолетней работы по изучению проблем русско-японских отношений начала XX в. Рецензируемая книга раскрывает одну из интересных тем, касающуюся не только участия Японии в Первой мировой войне, но и превращения

периферийной азиатской страны в ведущую политическую, военную и экономическую мировую силу.

Как справедливо заметил автор, «золотой век» японской дипломатии (1895–1925) был связан с «существенной корректировкой внешнеполитической ориентации Токио», в результате которой, «оставаясь формально верной союзническим отношениям с Великобританией,

империя микадо пошла на... сближение с Россией» (с. 4). Раскрывая этот тезис, Павлов существенно изменил характерное для советской исторической школы представление о сложившихся в 1914–1918 гг. отношениях между Россией и Японией как о времени замораживания конфликта после Русско-японской войны 1904–1905 гг.¹

Автор сумел показать многоплановую картину, включавшую дипломатические, военно-политические, военно-экономические и культурные аспекты русско-японских связей, выгодных для обеих сторон и приведших к приобретению ими довольно прочных территориальных, экономических и военно-административных позиций на Дальнем Востоке. В основу монографии положена представительная источниковая база – документы российских государственных и военных архивов, мемуары участников событий, исследования отечественных и зарубежных историков. Не делая скоропалительных и основанных на неполном знании фактов выводов, Павлов последовательно показал, что переход от противостояния к сотрудничеству в 1904–1917 гг. был чрезвычайно конструктивным для Российской и Японской империй, причём, безусловно, отражал общемировые противоречия великих держав, приведшие к мировой войне. Именно в этом и состоит главный вклад автора в отечественную историческую науку.

В советской историографии вследствие идеологических соображений «сотрудничество империалистических держав, осуществлявших колониальную экспансию» на Дальнем Востоке, оценивалось негативно. Современные российские исследования также не свободны от значительных недостатков и даже от прямых искажений исторической правды. Так, Э.А. Барышев² опирается на японские и англоязычные архивные и мемуарные материалы и научные работы, что существенно сужает исследовательские возможности и делает выводы односторонними, несмотря на очевидную значимость его работы с источниками. Довольно поверхностные, на мой взгляд, труды Ю.С. Пестушко³ и В.Э. Молодякова⁴ основаны на публицистических материалах и опубли-

кованных в советское время документах, что не позволило этим историкам комплексно изучить рассматриваемую тему, понять реальные, а не декларируемые с обеих сторон цели, а также раскрыть военно-политические и экономические причины, повлиявшие на дипломатию и политику как России, так и Японии.

Ещё менее содержательны работы учёных Великобритании и США. Так, английский историк П. Бертон⁵ убеждает читателя, что русско-японский союз стал следствием страха России перед Японией, причём последняя пошла на него лишь под нажимом Британии и США. Настоящей же целью японской политики, по убеждению американского исследователя Дж. Морли⁶, было овладение Сибирью. Такая тенденциозность является следствием произвольного выбора и трактовки документов и частных мнений участников событий, поскольку переход от вражды к союзу предполагает наличие контрастирующих и даже противоречивых высказываний, проектов, а также действий. Только всестороннее изучение комплекса источников, чем и отличается труд Павлова, может дать верное понимание событий, не искажённое ни идеологическим заказом, ни желанием скрыть в угоду геополитическим интересам Атлантического блока позитивные моменты союза России и Японии.

Автор последовательно обосновал тезис о том, что русско-японские отношения в период Первой мировой войны носили характер «очевидно обоюдной заинтересованности» (с. 148). Так, он отметил: «с помощью дипломатических манёвров Токио удалось нейтрализовать сопротивление Великобритании и США упрочению своего влияния в Поднебесной» (с. 4), «военные поставки в Россию дали серьёзный толчок развитию промышленности в Японии», а для японских военных опыт участия в войне оказался неоценимым «для выработки программы переоборудования армии, перевооружения её и снабжения всевозможными средствами техники, выдвинутыми войной» (с. 150). Россия же в результате налаживания союзнических отношений с Японией, во-первых, обезопасила «свой дальневосточный тыл», усилила антигерманский и

антитурецкий фронты, а также помогла союзникам в проведении галлиполийского десанта⁷ (с. 147); во-вторых, получила значительное количество необходимого вооружения и боеприпасов по заказам, которые японцы «в отличие от других зарубежных стран, выполняли... в срок и с высоким качеством (но не ценой)» (с. 149). В-третьих, стал другим её имидж на Востоке: «на смену образу вероломного и кровожадного русского варвара десятилетней давности пришёл имидж чистосердечного, искренне расположенного к Японии и духовно близкого азиатам северного соседа» (с. 151).

В восьми главах монографии чётко представлены структура, хронологические рамки сотрудничества России и Японии, начиная с 1914 г. и заканчивая моментом резкой смены российской внешней политики в результате большевистского переворота 25 октября 1917 г. Центральные главы (III–VII) автор посвятил темам, затрагивающим наиболее значимые тогда для обеих стран проблемы: русофильство в Японии; отправка ею войск на европейские фронты; японские военные поставки в Россию; участие частного бизнеса наших государств в процессе военно-экономического взаимодействия.

В первых двух главах («Начало русско-японского военного и военно-технического сотрудничества», «Первые русские военные закупки в Японии») проанализированы важные вопросы, связанные с тем, какая страна стала инициатором взаимодействия и в чём была суть споров о его характере и масштабе, происходивших в правительствах России и Японии. Павлов убедительно показал, что именно японская сторона первой «кулуарно и по нескольким каналам одновременно известила русских военных и гражданских представителей на Дальнем Востоке о готовности снабдить своего северного соседа военными материалами» (с. 12). Эти попытки (осуществлявшиеся ещё во время японского нейтралитета, но не принесшие должного результата) показали, что в Токио поняли: в европейских событиях наступил переломный момент, который мог существенно изменить политику Японии и в целом её положение в регионе. Это сулило ей начало борьбы

с Германией в Китае, использование дипломатического нажима на Россию в целях установления взаимовыгодных границ и сфер влияния на Дальнем Востоке и более активное участие в мировом политическом процессе.

Представив богатый статистический и фактологический материал, Павлов доказал, что выводы большинства его предшественников – об отсутствии или неудаче русско-японского сотрудничества на первом этапе войны – не соответствуют действительности. Сумма заказов в Японии за 1914 г. (80 млн иен) была сопоставима с аналогичным показателем для отечественной оборонной промышленности (89 млн руб.) (с. 41). Успехи миссий российского Главного артиллерийского управления (ГАУ), военно-морского ведомства и приёмщиков Главного интендантского управления уже в 1914 г. показали плодотворность и перспективность сотрудничества. Между тем к 1915 г. «японские вооружённые силы в русской действующей армии представляли 5–6 офицеров» (с. 44). Автор также указывает проблемы, с которыми столкнулись обе стороны, например, узковедомственные интересы ГАУ (с. 32), личное недоверие к Японии императора Николая II (с. 25) и военного министра В.А. Сухомлинова (с. 26–27), в Японии – нежелание военного командования ослаблять свои оружейные резервы (с. 36).

В главе III «Русофильство в Японии, оценки роли и миссии России и Японии в войне» автор подробно описал идеологический переворот, произошедший в японском обществе в первый год войны. В пользу России собирались пожертвования, в газетах публиковались статьи с заявлениями о близости русских нравственных ценностей и представлений о чести японским принципам бусидо, видные политики отмечали отсутствие явных поводов к столкновениям между двумя странами (с. 48–49). Также показано, как на фоне сближения с Россией в Японии кристаллизовалась идеология японоцентристского империализма в Восточной Азии как антипода его западно-ориентированному варианту (с. 48).

Автор наметил контуры возможного изучения культурного сближения Японии

и России, указывая на самый исток этого движения. Чрезвычайно показателен приведённый Павловым пример – состоявшийся в Токио конкурс детского рисунка на тему российско-японской дружбы. В итоге редакция газеты, проводившая конкурс, получила несколько тысяч (!) рисунков, и из 800 работ было составлено четыре альбома, которые подарили главе русской миссии Э.К. Гермониусу (с. 39–40). Автор проанализировал также деятельность добровольческого движения в Японии, подчеркнув, что тогда были написаны тысячи прошений «от японских подданных, желающих воевать на русском Западном фронте» (с. 61).

Чрезвычайно интересна в научном плане глава IV, посвящённая проблеме японских войск в Европе, где подробно охарактеризованы возникшие при её решении противоречия. Это был момент взаимного недоверия, возникшего в ходе военного русско-японского сотрудничества. Как только Токио выступил инициатором отправки своих войск на германский фронт, Франция пожелала принять их в состав собственной армии, однако японцы обратились с соответствующим предложением именно к России. Но последовал осторожный отклик её военного руководства: были приняты лишь укомплектованные японским персоналом осадные артиллерийские расчёты, а также японские инструкторы – для обучения работам с поставлявшимся вооружением. Такое решение, принятое в Петрограде, считает автор, на фоне французских проектов вывоза в Европу 400–800 тыс. японских солдат (с. 68–69) показывает разумность и взвешенность российской политики, несмотря на неудачи нашей армии в 1915 г.

Автор не предъявил Японии обвинения (явно не научные) в том, что она хотела направить свой контингент в Россию для последующей войны с ней. Безусловно, штабы обеих стран до начала войны рассматривали друг друга в качестве вероятных противников, но в реальной ситуации союзничества это не повлияло на конкретные планы и мероприятия дипломатии и военных России и Японии. В целом изложенное в данной главе – настоящий прорыв в изучении темы, связанной с сотрудничеством обоих государств в 1914–

1918 гг. Автор рассмотрел её объективно и доказал, что избранная им методология способна решить самые сложные вопросы мировой истории, избегая ошибок предыдущих исследователей⁸.

Значительный интерес, особенно в отношении связи политических и экономических моментов военной дипломатии периода Первой мировой войны, представляют главы VI и VII («Военные поставки Японии в Россию: объёмы, номенклатура, порядок оплаты» и «Частный бизнес в русско-японском сотрудничестве. Обмен делегациями. “Жёлтый труд” в России»). В первой из них автор привёл внушительный по объёму фактический материал, отметив, что начальный период сотрудничества (1914 – начало 1915 г.) был омрачён взаимным недоверием. В частности, российское Военное министерство, надеясь на собственные технические и производственные мощности, а также по некоторым внутриведомственным соображениям с опасением смотрело на расширение поставок из Японии.

Затем, по словам Павлова, наступил активный период русско-японского взаимодействия (середина 1915–1916 гг.), когда снарядный, артиллерийский и ружейный голод в России вынудил её военных и политиков принять все возможные меры по его преодолению. Японский рынок получения оружия, пригодного для использования в российских условиях, как показал автор, оказался в числе хотя и не самых ёмких, но наиболее надёжных и выгодных. Ни удалённость его от театров военных действий, ни недавняя Русско-японская война, ни некоторые культурно-психологические барьеры в ходе двусторонних переговоров не мешали России стать для Японии крупнейшим партнёром в военно-технической сфере (с. 106). Токио проявил также активность в отношении финансовой стороны сотрудничества – две трети военных заказов России составляли поставки в долг под золотое обеспечение (с. 106). Совместное же решение Россией и Японией возникшей тогда проблемы – «британской монополии» на рынке международных военных займов (эту тему автор рассмотрел очень подробно) – продемонстрировало наличие доста-

точно доверительных отношений между двумя странами (с. 107–108).

В сложный период 1915 г., когда экономика России ещё полностью не перешла на военные рельсы, пятую часть винтовок для её армии (со значительным количеством патронов) поставила именно Япония (с. 103). Причём они оказались дешевле не только английских или американских, но даже и российских трёхлинейек (с. 117). Кроме того, существенными были и более выгодные в финансовом отношении поставки артиллерии, в том числе тяжёлой осадной (с. 105, 117). Автор не обошёл вниманием и такую слабоизученную, но важную тему, как обеспечение Японией безопасности морских перевозок в Тихом и Индийском океанах.

Глава VII посвящена совершенно не исследованной в отечественной и зарубежной историографии проблеме – влиянию военно-политического сотрудничества наших стран на частные торговые и промышленные интересы в обоих государствах. Японская активность в этом вопросе, резкое наращивание взаимной торговли не только военными, но и иными товарами, как показал автор, вызвала опасения даже европейских капиталистов, державших ранее монополию в отношении как России, так и Японии (с. 114–115). При этом охарактеризованы такие причины значительного превышения японского экспорта в Россию над импортом, как слабое развитие Дальневосточного региона (прежде всего из-за недостаточной численности промышленного населения) и последствия войны, не позволявшие изменить данную ситуацию. Павлов исследовал и ещё один важный вопрос – интерес русской буржуазии к экспорту «трудовых ресурсов» из Японии, которому воспрепятствовали революционные события (с. 123–127).

Заключительная глава «Россия и Япония в 1917 – первой половине 1918 г.», написанная, на мой взгляд, конспективно, имела целью показать завершение процессов, подробно охарактеризованных ранее. Начавшееся сразу после Февральской революции «сворачивание» русско-японских военных поставок и иного экономического взаимодействия полностью завершилось после октябрьских событий и заключения Советской Россией сепарат-

ного мира с Германией. Если в первый год войны решение Японии начать военное сотрудничество с Антантой позволило России перебросить на германский фронт свои дивизии, находившиеся после Русско-японской войны на Дальнем Востоке, то затем начался развал русской армии на всех фронтах на фоне отказа Советской России от союзнических обязательств в мировой войне.

Если учесть японский характер, такое поведение России не могло не сказаться на отношениях между странами, что привело в итоге к японской интервенции на российском Дальнем Востоке (с. 141–144). Короткий, но плодотворный период союзнического взаимодействия закончился. Автор затронул и один из болезненных вопросов, по сей день актуальный для российской дальневосточной политики, – согласие ленинского правительства на аннексию Японией всего российского Дальнего Востока и части Восточной Сибири. Осуществиться таким планам помешала лишь японская приверженность союзу с остатками прежней российской власти, выступившими за «единую Россию» (с. 145).

Отмечу, что в монографии органично соединены богатейший фактический материал, анализ и убедительная критика взглядов отечественных и зарубежных коллег относительно отдельных аспектов рассматриваемой темы. Книга написана живым языком, содержит иллюстрации, указатель имён, облегчающий работу с текстом, а приведённые в приложении документы хронологически и тематически отражают весь спектр исследуемых проблем (к сожалению, отсутствуют список источников и литературы, а также ссылки на имеющиеся в приложении источники в сносках).

Однако издание не свободно от некоторых недостатков, которые в первую очередь относятся к анализу (или отсутствию такового) влияния на русско-японские отношения союзнических договоров в рамках Антанты, а также других международных факторов изучаемого периода. Так, автор уверен, что «версия о стремлении царской России к выходу из войны путём сепаратного мира не находит ни прямого, ни косвенного подтверждения в источни-

ках». Между тем оказавшиеся известными европейской дипломатии письма М. Васильчиковой Николаю II о сепаратном мире с Германией являются справедливыми и в отношении японцев. 9/22 февраля 1916 г. посол Японии в России И. Мотоно писал своему коллеге в Лондон К. Иноуэ о разговоре с директором шведского телеграфного агентства А. Эклундом, сообщившим ему: «Если Россия в настоящее время не решается заключить сепаратного мира, то исключительно из боязни перед Японией. Если бы Япония заключила сепаратный мир, Россия последовала бы её примеру, и тогда Япония получила бы возможность разделить Китай совместно с Германией и Россией»⁹.

Позднее о возможности подписания Германией сепаратного мира с Японией и Россией сообщали Мотоно, германский посол в Швеции Г. фон Люциус и видный немецкий промышленник Г. Стиннес. Причём инициатива, по-видимому, шла от германского канцлера Т. фон Бетман-Гольвега¹⁰. Вообще, в монографии не так много внимания уделено особенностям секретной дипломатии периода Первой мировой войны. Тем не менее в беседе с советником IV политического отдела МИД Г.А. Козаковым японский генерал М. Терауци сообщал, что «в Японии есть сторонники Англии, которые боятся сближения с Россией»¹¹. Как 5/18 марта 1916 г. сообщило памятной запиской японское министерство иностранных дел своему послу в Петрограде, подписание русско-японского договора и сроки его действия напрямую связывались с заключением англо-японского союза¹². Хотя в приложении эта памятная записка приведена, её анализа, как и рассмотрения вопроса о влиянии на русско-японские отношения противоречий, возникших между странами Антанты в книге нет, при этом, последнее специальное исследование этой темы датируется 1947 г.¹³ и давно требует исторической переоценки.

К сожалению, в монографии не представлена тема, связанная с деятельностью российской и японской разведок и контрразведок, довольно значимой как в отношении дипломатии, так и при подготовке военно-экономических соглашений. Некритично восприняв воспоминания не-

которых российских военных о слабости дальневосточного направления русской разведки 1914–1918 гг., автор даже не затронул этот вопрос (с. 19), хотя в прежних работах его упоминал¹⁴.

Тем не менее монография Д.Б. Павлова отвечает всем требованиям современной исторической науки, методично и глубоко раскрывает заявленные автором темы, показывает объективную картину исследуемых событий, впервые даёт читателю ясное представление о характере, целях и результатах русско-японского сотрудничества в 1914–1918 гг. Материалы издания могут быть использованы при более детальном изучении вопросов, связанных с союзническими взаимоотношениями стран в рассматриваемый период и становлением современной системы международных связей. Книга, написанная в деидеологизированном научном ключе, содержащая множество уникальных документов, адресована широкому кругу читателей и является заметным явлением в отечественной историографии Первой мировой войны.

Примечания

¹ Преемником этой школы можно считать А.Б. Широкограда, в книге которого теме русско-японского сотрудничества в годы Первой мировой войны отведены лишь неполные три страницы (*Широкоград А.Б.* Япония. Незавершённое соперничество. М., 2008. С. 242–244).

² *Барышев Э.А.* Роль князя Ямагата в подготовке русско-японского союза 1916 г.: за кулисами визита великого князя Георгия Михайловича в Японию // Япония 2007. Ежегодник. М., 2007. С. 249–265; *он же.* Мотоно Итиро (1862–1918) – яркий представитель политики здравого смысла // Япония 2009. Ежегодник. М., 2009. С. 323–344.

³ *Пестушко Ю.С.* Российско-японские отношения в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 2008; *он же.* Почему японские войска так и не попали на европейский фронт // Япония 2007. Ежегодник. М., 2007. С. 266–275.

⁴ *Молодяков В.Э.* Россия и Япония: поверх барьеров. Неизвестные и забытые страницы русско-японских отношений (1899–1929). М., 2005; *он же.* Гото Симпэй и русско-японские отношения. М., 2006.

⁵ *Burton P.* Russo-Japanese Relations, 1905–1917: From Enemies to Allies. Milton Park, Abingdon, Oxon; N.Y., 2012.

⁶ Morley J.W. Japan's foreign policy, 1868–1941. N.Y., 1974; *idem*. The Japanese Thrust into Siberia, 1918. N.Y., 1957.

⁷ С Дальнего Востока в Средиземное море был направлен пятитрубный крейсер «Аскольд», участвовавший в конвоировании в Египет австрало-новозеландского корпуса и высадке французского контингента в Кум-Кале (Михайлов В.В. Галлиполи 1915 г.: могила русской мечты и британских солдат. СПб., 2009. С. 185, 211–214).

⁸ Так, Ю.С. Пестушко писал, что «за исключением нескольких представителей японского генерального штаба..., никто из японских добровольцев на европейский театр военных действий так и не был направлен» (Пестушко Ю.С. Почему японские войска... С. 266–275). Помимо ошибки стилистической (ведь

офицеры генштаба не являются добровольцами), автор допустил фактологические ошибки: японские добровольцы, пусть в единичном числе, воевали в Европе, а также, кроме офицеров генштаба, несколько сотен японских артиллеристов и инструкторов были направлены в российскую действующую армию.

⁹ Международные отношения эпохи империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1878–1917 гг. Серия III. Т. 10 (январь–апрель 1916). М.; Л., 1938. С. 250.

¹⁰ Там же. С. 594–595.

¹¹ Там же. С. 260.

¹² Там же. С. 419.

¹³ Гальперин С.С. Англо-японский союз: 1902–1921 гг. М., 1947.

¹⁴ Павлов Д.Б., Петров С.А. Японские деньги и русская революция. М., 1993.

Оксана Нагорная

Рец. на: Н.В. Суржикова. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М.: РОССПЭН, 2014. 423 с.

Oksana Nagornaya

(South Urals institute of management and economics, Russia)

Rec. ad op.: N.V. Surzhikova. Voenniy plen v rossiiskoi provincii (1914–1922 gg.). Moscow, 2014

Всплеск коммеморативных мероприятий вокруг 100-летия начала Первой мировой войны в 2014 г. продемонстрировал тенденцию не столько сближения национальных публичных историй, сколько, напротив, их принципиальную зависимость от динамики развития актуальных национальных дискурсов. Память о «катастрофе, породившей столетие», до сих пор не превратилась в «застывшую конструкцию», демонстрируя удивительную гибкость и напоминая детский калейдоскоп, в котором одни и те же осколки стекла (образцы толкования) при далеко не ювелирном переворачивании инструмента образуют весьма причудливый узор (в виде тропов «жертвы на алтарь союзников», «проигрыша проигравшим» и др.). В отличие от публичного дискурса, где метафора «забытая война» настойчиво компенсировалась с помощью героической риторики, исследовательский ландшафт

отразил скорее инерцию заложенных много лет назад тенденций развития. Вышли в свет весьма интересные публикации, отразившие, к сожалению, скорее «излёт» антропологического поворота в российской исследовательской дискуссии, на смену которому, вероятно, уже спешит «тёрн глорификации».

На фоне достаточно пессимистичных прогнозов рецензируемая книга екатеринбургского историка Н.В. Суржиковой стала действительно значимым событием, ибо в бурном потоке отечественных работ по тематике плена автор осмелилась на новую постановку вопросов в масштабе не только отечественных, но и международных исследовательских дискуссий. Она представила читателю ряд новых граней в изучении гуманитарного измерения мирового конфликта, посягнула на авторитеты данного тематического поля, ставшие, казалось бы, незыблемыми. Поэтому